

на платформе



ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВ

ФУТУРОЛОГИЯ

Краткий курс



ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 008.2
ББК 71.1
А65

Андреев А.

А65 Футурология : Краткий курс / Алексей Андреев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 222 с. — (Серия «Пальмира — наука»).

Книга основана на лекциях по футурологии, которые Алексей Андреев читает в РАНХиГС с 2019 года. Автор предлагает неформальный, но достаточно подробный обзор методов прогнозирования и предсказательных техник, известных современной науке, а также анализ образов будущего в мировой культуре. Этот необычный учебник объясняет и прозрения научных фантастов, и панику на биржах, и провалы государственных форумов, и многие технологии манипулирования, которые прикидываются «наукой о будущем».

**УДК 008.2
ББК 71.1**

© Андреев А. В., 2023

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-08615-0

Предисловие

Эта книга написана на основе лекций по футурологии, которые я читал студентам ИОН РАНХиГС в рамках программы магистратуры «Цифровые коммуникации и новые медиа» в 2019–2022 годах. Ни в каком другом вузе России до этого не преподавали «науку о будущем» в виде отдельного курса. А значит, составлять учебную программу пришлось самостоятельно, практически с нуля.

Когда я только начал собирать материал для этого курса, мне казалось, что главную идею можно выразить так: ***разные динамические системы обладают разной предсказуемостью***. На первый взгляд, звучит банально и даже напоминает афоризм Льва Толстого про несчастные семьи, которые несчастливы по-своему.

Но для многих людей эта идея совсем неочевидна. Некоторые считают, что умение видеть будущее связано с какими-то особыми, скорее всего магическими способностями отдельных граждан (а также одного осьминога и нескольких сурков). Другие думают, что точность прогнозирования зависит от методов сбора и анализа данных, а также от мощности компьютеров, на которых те данные обсчитываются. А есть ещё такие люди, которые во всём видят заговор либо судьбу, то есть заранее прописанное будущее, которое скрыто от простых смертных.

И вот тут я, человек с математическим образованием, должен выйти весь в белом и вскрыть эти заблуждения, раскладывая всю футурологию по полочкам школьной физики. На одном конце шкалы — простые линейные системы, будущее которых прогнозировать так же легко, как решать задачу о поезде, едущем с постоянной скоростью из Петербурга в Москву. На другом конце — очень нелинейный хаос со всеми его непредсказуемыми лавинами и «чёрными лебедями». Все остальные случаи располагаются между этими крайностями. На самом деле, оценка степени предсказуемости системы — уже небанальная задача, даже без прогноза; но при таком подходе хотя бы есть схема упорядочивания предметной области.

Однако по мере погружения в ту самую область стало ясно, что схема получается слишком упрощённой, поскольку предмет футурологии касается множества явлений культуры, далёких от точной науки.

Это хорошо продемонстрировал один из самых интересных футурологов XX века — Станислав Лем. В 1964 году вышла его «Сумма технологии» со множеством ярких гипотез о будущем, которое для нас уже стало настоящим. Там предсказаны виртуальная реальность, самообучающийся искусственный интеллект, генетическая терапия, «мягкое управление» и многое другое [1].

Казалось бы, триумф футурологии? Однако спустя тридцать лет Лем выпустил сборник эссе с ретроспективным анализом своих и чужих прогнозов (в русском издании — «Молох»), и выводы этой книги печальны. Причём выводы в основном касаются не самих предсказаний, а той культуры, которая складывается вокруг них.

Вот его любимый пример: центр стратегических исследований RAND Corporation, созданный в 1948 году при Пентагоне. Эта «мозговая бочка» числила в своих сотрудниках десятки нобелевских лауреатов и тратила миллиарды долларов

на исследования будущего, выпуская смелые предсказания аж до XXII века (книга одного из ведущих футурологов RAND, аналитика Германа Кана, выпущенная в 1976 году, называлась «Следующие 200 лет»). Однако в этих прогнозах не были предугаданы распад СССР, распространение Интернета и множество других ключевых явлений даже в рамках ближайших двух десятилетий. Но, как пишет Лем, гарантом выживания таких институтов являются не положительные результаты, а «структурная твёрдость». И он прав: с тех пор количество подобных организаций только выросло, как и количество производимых ими сомнительных прогнозов.

И ещё одно ценное наблюдение из той же книги — о том, как люди воспринимают прогнозы, и готовы ли они вообще к такой информации:

«Предсказатель, являющийся за год или два до события, достигает славы и успеха. Кто объявляется на тридцать лет раньше, в лучшем случае остаётся непризнанным, а в худшем — осмеянным» [2].

После этой фразы Лем на собственном примере показывает, как такое происходит: многие его прогнозы из «Суммы технологии» были сначала раскритикованы, а спустя годы присвоены западными футурологами, которые описывали ту же виртуальную реальность уже на стадии её появления, и теперь считаются её «изобретателями».

Иными словами, без человеческого фактора в этой дисциплине не обойдёшься. Хороший курс футурологии должен рассмотреть разные представления о будущем, включая даже те, что относятся к неточным наукам и сомнительным общественным практикам. Футурология должна объяснить и нашу любовь к цыганским гадалкам, и прозрения научных фантастов, и панику на биржах, и провалы дорогостоящих прогностических проектов типа Госплана, и современные рекламные агитки про искусственный интеллект, выдаваемые за науку о будущем.

Описание теории обычно начинается с определений. И если бы футурология была устоявшейся наукой, можно было бы использовать именно такой подход для организации книги. Но как уже сказано, этот курс мы создаём на ходу, и для понимания общей картины нам придётся иметь дело с некоторым междисциплинарным винегретом. Задачи прогнозирования возникали в разных сферах человеческой деятельности, решались разными методами, а потому и терминология получилась не очень согласованная.

Человеком, который придумал *науку о будущем (future studies)*, часто называют английского писателя-фантаста Герберта Уэллса. Но правильнее будет сказать, что он просто уловил некий общий «дух времени», когда эта наука зарождалась.

В конце XIX века, в разгар промышленной революции, многие начали публиковать очень вдумчивые прогнозы о том, куда всё это приведёт. Так, в 1898 году русский банкир и учёный-экономист Иван Блюх прославился многотомным трудом «Будущая война» [3]. В этой книге, основанной на материале военных экспертов разных стран, разбираются варианты применения новых видов оружия, средств связи и транспорта, а затем довольно реалистично предсказываются и ход, и последствия Первой Мировой войны.

Что касается Уэллса, он в 1901 году опубликовал эссе под названием «Предвидения о воздействии прогресса техники и науки на человеческую жизнь и мысль» [4]. В этой работе, описывающей будущее до 2000 года, тоже много интересного: в частности, прогнозируется новый мировой порядок под контролем Америки, а также крах классического капитализма, вместо которого установится некая мирная технократия. Правда, в транспортном вопросе Уэллс проиграл и Ивану Блюху, и французу Жюлю Верну: англичанин не

верил в быстрое развитие авиации, а в подводные лодки не верил вообще.

Но главное, после успеха этой публикации Уэллс стал выступать с лекциями, где призывал к академическим исследованиям будущего, которые базировались бы не на фантазиях, а на научном методе — точно так же, как строится картина прошлого Земли на основе анализа геологических пластов. В 1932 году, выступая на радио BBC, он повторил ту же идею с новым термином: тысячи профессоров истории учат студентов анализировать артефакты прошлого, но нет ни одного «профессора предвидения» (Professor of Foresight), который изучал бы воздействие новых устройств и изобретений на наше будущее.

Термин «**форсайт**» с тех пор часто используется в связи с прогнозированием, однако смысл его поменялся. Теперь под «форсайтом» понимают выработку рекомендаций и стратегий развития для конкретных организаций. Иногда это может быть даже противоположно тому, чего хотел Уэллс. Представьте, что компания планирует захватить рынок с помощью нового товара: тогда её форсайт будет посвящён анализу потребностей аудитории и методам продвижения — вместо того, чтобы исследовать негативное влияние данного товара на здоровье людей.

Поменялся смысл и термина «**футуризм**». Сейчас футуристами часто называют тех, кто описывает или изображает будущее — это почти синоним слова «футуролог». Но в начале XX века это слово означало художника-авангардиста, представителя протестного арт-движения, которое вы скорее всего знаете по творчеству Маяковского, Бурлюка и Хлебникова. А если не по творчеству, так хотя бы по знаменитому их призыву сбросить Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности (забавно читать слово «пароход» рядом с «современностью», правда?). В общем, настоящие футуристы не предсказывали будущее — они ломали прошлое.

Ещё больше путаницы с заглавным словом этой книги — «**футурология**». Первым его использовал в 1943 году немецкий политолог Осип Флехтхайм, который, как и Уэллс, призывал к научному подходу в исследовании будущего. Правда, гуманиста Флехтхайма больше интересовало развитие социальных отношений, а технократические прогнозы он не уважал. Но в 60-е годы футурологией стали называть любые размышления о будущем — не только о человеческом, но и о машинном, как у Лема, или о будущем других цивилизаций, как у Шкловского и Сагана.

К нашему времени значение термина совсем размылось: футурологом теперь могут назвать и фантаста, и рекламщика, и эффективного менеджера. В эссе «Будущее уже здесь» американский писатель-киберпанк Брюс Стерлинг рассказывает о существовании корпоративных, правительственных, военных, полицейских и этических футурологов, а потом ещё добавляет «и так далее» [5]. Раньше мне казалось, что Стерлинг переборщил — но недавно я обнаружил, что в глянцевых журналах футурологами стали величать себя люди, гадающие на картах Таро. Так что действительно, «и так далее».

И наконец, отечественный вклад во всю эту неразбериху — дисциплина под названием «**прогностика**», контуры которой стали проявляться в 60-е годы. Предполагалось, что в отличие от буржуазной футурологии, эта дисциплина должна использовать строго научный подход в разработке прогнозов, то есть «обоснованных суждений о возможных состояниях объекта в будущем, а также о путях и сроках достижения этих состояний» (цитирую по одной из советских энциклопедий).

Термин «прогностика» активно использовал советский историк и социолог Игорь Бестужев-Лада. Вторая часть его фамилии — псевдоним, под которым он публиковал свои работы в 60-е годы, опасаясь преследований: страна жила «по плану партии», и всякое альтернативное прогнозирование